Глава 96: Уроки мудрости

Независимо от того, что думали посторонние, Цинь Инин понимала, что публично рассматривая ее как сына, ее отец давал ей и лицо, и поддержку. Он напоминал всем присутствующим, что независимо от того, сколько у него наложниц, у него была только одна дочь. Никто из присутствующих не был дураком. Они, естественно, поняли, что Цинь Хуайюань хотел передать своими словами, и посмотрели на Цинь Инин другими глазами.

Даже старая вдова немного пожалела, что бросила трубку. К счастью, Цинь Инин увернулась. Если бы она не была такой ловкой и трубка рассекла бы ей лицо и испортила шрамом ее внешность, как бы она потом объяснялась пеерд сыном? Как мать, она знала о трудностях, с которыми сталкивался ее сын. Каким бы совершенным он ни был, у Цинь Хуайюаня не было сыновей, чтобы продолжать его имя. Цинь Инин была не только очень похожа на него, она также была довольно умной, решительной и уверенной в своих действиях. Она не казалась типичной девушкой внутренней резиденции и имела больше, чем пару намеков на мальчишескую прямоту. Неудивительно, что Цинь Хуайюань любил ее и растил как сына. Если я собираюсь дисциплинировать Цинь Инин в будущем, мне придется скрывать это от моего сына.

"Дочь Хуэй.” Звонкий голос Цинь Хуайюуань снова привлек их внимание.

Цинь Хуэйнин тихо сидела в стороне с опущенной головой. Когда она встретила его взгляд, ее сердце заколотилось, и она отчаянно опустила глаза, чтобы сделать реверанс. “Отец.”

Он бросил косой взгляд на Цинь Хуэйнин, недовольный ярко-красным ансамблем и нефритовыми и золотыми украшениями в ее волосах. Он взглянул на Цинь Инин и был немного утешен, увидев ее в белом, как слоновая кость, наряде, без украшений для волос. "Дочка Хуэй сегодня очень красиво одета.”

Цинь Хуэйнин нервно сглотнула, зная, что отец предостерегает ее. Она пыталась найти объяснение. "Отец, обычно я так не одеваюсь, но сегодня к нашей семье присоединилась тетя Цао и мне показалось, что праздничная одежда будет лучшим проявлением уважения.”

Хозяин поместья, наконец, взглянул на Цао Юцин. Это был первый раз, когда он действительно посмотрел на нее с тех пор, как вошел в дом. Взгляд Цао Юцин стал чрезвычайно нежным; радость и нежность рекой лились из ее глаз, когда она встретила его взгляд.

Однако Цинь Хуайюань отвел взгляд. "Ваша тетушка Цао из знатной семьи и хорошо обучена. Какое ей дело до того, что на тебе надето? Дочка Хуэй, тела мужчин Сунь еще теплые. Ты больше десяти лет называла герцога Динь своим дедушкой и если у тея нет ума на что-то большее, ты можешь ограничивать себя хотя бы в одежде?”

“Пожалуйста, прости меня, отец. Я не знаю, о чем я только думала. Пожалуйста, не сердись."Лицо Цинь Хуэйнина горело так ярко, что казалось, будто из него в любую секунду потекет кровь. Она с грохотом упала на колени.

"С завтрашнего утра ты заперта во дворе снежных груш и не выйдешь оттуда, пока не скопируешь "классику сыновнего благочестия" сотню раз. Подумай хорошенько о том, что ты делаешь.”

Хотя Цинь Хуайюань только читал ей лекции, но Цинь Хуэйнин почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Отец был главой семьи и держал в руках старую вдову. Она бы не

посмела бросить ему вызов, даже если бы у нее было в десять раз больше мужества. Она могла только жалобно опустить голову. - Да, благодарю тебя за твои учения, отец.”

“Ты должна вести себя лучше."Цинь Хуайюань улыбнулся и поклонился старой вдове. "Мама, я ждал, чтобы поговорить с дочерью и, так что я заберу ее с собой.”

Старая вдова могла только кивнуть. Цинь Хуайюань надел плащ и направился к двери взглядом подгоняя дочь.

Четвертая мисс поклонилась старой вдове, второй и третьей мадам и ее различным сестрам на прощание, прежде чем догнать отца. Когда они оказались в крытом коридоре, Цинь Хуайюань посмотрел на всхлипывающую Ни Сан, все еще стоящую на коленях на земле, а также на матушку Цзинь и Кайю, дрожащих от холода.

"Здоровье старшей мадам очень хрупкое, и в прошлый раз она не полностью оправилась от болезни. Поспеши и помоги госпоже встать. Подготовьте карету и отправьте ее обратно в сад спокойствия для отдыха. Он вздохнул.

Это была защита жены после защиты дочери! Старая вдова скривила губы, но не возражала. Вместо этого она отправила матушку Цинь выполнить приказы. Старый слуга тут же бросился готовить карету.

Цао Юцин тоже вышла вслед за Цинь Хуайюуань. Она посмотрела на пепельное, заплаканное лицо Ни Сан и на Цинь Хуайюаня, высокого и прямого, со скрещенными руками на груди. Она закусила нижнюю губу при мысли. С другой стороны, Ни Сан подняв голову увидела перед собой ошеломительно красиво одетую Цао Юцин, гнев и ненависть, которые никогда не присутствовали в такой интенсивности прежде, мгновенно заплескались в ее взгляде!

Ее семья уже давно провела тщательное расследование и узнала, что был шанс, что император собирается отрицать требование великого посланника Чжоу о мозге Сунь Юй. Это была императрица. Это она заставляла Сунь Юй проститься с его жизнью. Когда Великий Чжоу распространил свой ответ на всеобщее обозрение и угрожал жизни императора, именно императрица подала императору идею уничтожить всю семью Сунь, чтобы успокоить Великое Чжоу. Потомство Цао было причиной падения Сунь, а семья Цао была самым мерзким врагом!

Но сегодня Цинь Хуайюань приветствовал дочь Цао в своем доме в качестве наложницы! На данный момент, НИ Сан выглядела измученной. Время, проведенное на коленях на холоде на мерзлой земле в ветренную ночь со слезами на глазах не способствовали расцвету ее красоты. А перед ней стояла Ни Цао, улыбаясю рядом с Цинь Хуайюань в великолепном наряде. Когда старая ненависть и новые обиды столкнулись, как Ни Сан могла успокоить их? Она хотела разорвать Ни Цао на куски и выпить ее кровь!

Матушка Цзинь почувствовала эмоциональные колебания своей хозяйки и запаниковала. Она зажала рукой рот Ни Сан и закричала Кайю: - поспеши и помоги мадам сесть в карету!”

Слезы Ни Сан покрывали руки матушки пока она стонала и боролась. Но сил у нее не осталось, и голова ее медленно опустилась на плечо старого слуги. Смирение и вина мелькнули в глазах Цинь Хуайюаня, когда он смотрел, как его жена молчаливо проливает слезы. Он спустился по лестнице. "Пойдем со мной, дочь Инин.”

“Хорошо.” Цинь Инин закончила одеваться с помощью Бинтан, Цюлу и Сонланг.

Цао Юцин невольно сделала два шага вперед и сладко окликнула господина: - милорд.”

Шаги Цинь Хуайюаня остановились на мгновение, но он не повернулся, и ответил: - У наложницы Цао был утомительный день. Определите ей место."Он повернулся к матушке Цинь. "Убедись, что для наложницы Цао подобраны лучшие слуги. Нельзя упустить ни одной детали. Отправь ей лучшую еду и одежду.”

Матушка Цинь удивленно кивнула. Неужели Цинь Хуайюань хотел предоставить Ни Цао комфортную жизнь, но не касаться ее?

Ну, в этом есть смысл. Все в мире знали, как Сунь встретили свой конец. Цинь Хуайюань никогда даже не спорил с герцогом Динь. Затем он просто прочитал лекцию Цинь Хуэйнин за отказ носить соответствующую траурную одежду и наказал ее, заставив сотню раз скопировать "классику сыновнего благочестия". Как он может сразу же принять Ни Цао? Опять же, если бы он был из тех мужчин, которые спешат переспать с каждой женщиной, которая вошла в их двери, но опять это было не про Цинь Хуайюань, за которым она наблюдала много лет. Старая слуга восхищалась характером Цинь Хуайюаня и начинала все больше и больше видеть своего господина в Цинь Инин. Матушка невольно улыбнулась.

Пока Цао Юцин наблюдала, как Цинь Хуайюань исчезает вдалеке, в ее глазах медленно тускнела надежда. Легкий вздох, и ее вновь пригласили в дом. Цинь Хуэйнин снова подняла ей настроение.

В любом случае, мое наказание начинается только завтра, так что сегодня я могу также сидеть и смеяться с Цао Юцин.

Все встречали ее, как дорогую гостью, окружая ее заботой и вниманием. Вскоре теплый разговор сгладил произошедшую неприятность.

Цинь Инин последовала за своим отцом в кабинет во внешней резиденции. Каждый из них присел на кровать рядом с окном. Цинь Хуайюань отпустил горничных после того, как они подали чай. Цинь Инин прикусила губу и сказала извиняющимся тоном: "отец, я была слишком импульсивна сегодня и оскорбила старую вдову. Пожалуйста, прости меня.”

“Ты моя дочь, поэтому я, естественно, понимаю твои мысли и гнев.” Голос Цинь Хуайюуань был спокойным и размеренным. Он остановился на мгновение, чтобы собраться с мыслями. "Ты умный и проницательный, способный видеть сквозь вещи одним взглядом человек. Но ты слишком импульсивна. Ты стремишься сразу же действовать, как только оценила обстановку и поделила все на белое и черное.

“Я знаю, что внутри этого дома нет ни одного человека, который смог бы противостоять тебе в споре или в борьбе, но что случиться, когда ты окажешься вне дома? Если ты столкнешься с кем-то, кто знает боевые искусства? Тебя можно назвать сильной только по сравнению с другими девушками, вот и все. Что ты можешь с ними сделать? Сейчас ты опираешься на статус официальной дочери. Никто не посмеет навредить моей дочери в этом поместье. Но во внешнем мире люди придут за тобой, даже если ты им ничего не сделаешь. Я правильно говорю, доченька?”

"Отец говорит искренне, я знаю свои ошибки."Цинь Инин опустила голову от стыда. “Я действительно слишком импульсивна. Я не могу стоять на месте, когда вижу несправедливость.”

“Я понимаю."Цинь Хуайюань улыбнулся. "Но ты должна помнить, что сыновнее благочестие стоит на вершине всех добродетелей. Хотя старая вдова неверна в своих поступках, она все еще моя мать. Я считаю, что у тебя есть больше стратегий, чем просто прямое нападение в попытке

улучшить обстоятельства твоей матери. Ты можешь использовать и другие свои потрясающие методы против Цинь Хуэйнин, но используя неуважение к старшим, ты выступаешь против старой вдовы. Кроме того, чего ты добьешься, если выиграешь спор у старой вдовы? Твоя жизнь и жизнь твоей матери станет легче?”

Цинь Хуайюань провел большую часть своих дней во внешней резиденции и редко заходил внутрь, не общаясь со старой вдовой. Цинь Инин была в восторге от того, что ее отец так тонко смог обрисовать ситуацию во внутреннем дворе.

"Отец совершенно прав. Я сожалею о своих действиях. Я просто подумала, что раз я не нравлюсь старой вдове, я все равно не понравлюсь ей, что бы я ни говорила и ни делала. Она по-прежнему будет относиться ко мне и маме холодно, так что я сделала то, что считала правильным.”

http://tl.rulate.ru/book/13071/382221